

Шитова Анастасия Александровна

**РАБСЕЛЬКОРОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ, СТЕННЫЕ И "ЖИВЫЕ" ГАЗЕТЫ 1920-Х ГОДОВ:
ОРГАНИЗАЦИЯ И МОТИВАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В статье на материалах Северо-Кавказского края показано, как происходил процесс установления и укрепления контроля за местными средствами пропаганды и агитации - "живыми" и стенными газетами, а также организация селькоровского движения в условиях 1920-х гг. Рассматриваются особенности взаимоотношений селькоров и власти, использование селькоровской деятельности как карьерного или социального лифта. Автор акцентирует особое внимание на роли комсомола в организации "малой печати".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/11/57.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(85) С. 204-208. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

в своем пути, и форма прошедшего времени отмечает лишь сам факт пройденности пути, однако в своем полном виде эта форма говорит о том, что не умещается в привычном понимании себя как присутствия, потому что «Я был» не может быть открыто непосредственному сознанию Я.

По сути, признание «Я был» и есть изначальное суждение о забытом как таковом. «Я» выступает здесь субъектом не сознания, а памяти, то есть *мерой иного*, собирающей каждый момент перехода от прошлого к настоящему как момент потери и бытия-в-другом. Мы говорим о действии, которое не просто потеряно, но и вложено в мир, чтобы в следующем моменте мы могли обрести себя, собирая свои отражения в окружающих нас вещах. Таким образом, Я-есть только потому, что изначально Я-был, и мой мир соразмерен мне только потому, что принял то, кем я был в утраченном прошлом. В этом смысле Августин говорит, что забвение есть не что иное, как явление Богом нам *нас самих*, во всей конечности и временности нашего бытия [1, с. 259], но тем самым и в возможности припоминания и разгадывания самих себя по следам, оставленным в вещах. Это значит, что в своем настоящем я вижу бытие, которое забыл, чтобы оно помнило меня, и именно этим объясняется смысл свидетельства о забытом, ведь свидетель говорит о том, что было пережито без слов, потому что слов для этого еще не существовало, и лишь поскольку в этом испытании бытием свидетель неким образом *был*, само претерпевание стало для него *памятью* о забытом, собственно, всей истиной памяти как правом присутствия в настоящем.

Список источников

1. **Августин А.** Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеенко; вступ. ст. А. А. Столярова. М.: Ренессанс; СП ИВО СиД, 1991. 488 с.
2. **Гуссерль Эд.** Собрание сочинений. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. 192 с.
3. **Декарт Р.** Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1994. Т. II. 591 с.
4. **Платон.** Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
5. **Фрейд З.** Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. 448 с.
6. **Шевцов К. П.** Память и привычка в философии Дэвида Юма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (1). С. 219-223.

THE TRUTH OF MEMORY AND OBLIVION

Shevtsov Konstantin Pavlovich, Ph. D. in Philosophy
Saint-Petersburg State University of Civil Aviation
shvkst@list.ru

The article discusses the boundaries of applicability of the criterion of the truth in relation to the phenomena and practices of memory. Firstly, there is the idea of exact matching of past and present events, and secondly, the recognition of loss, constituting the meaning of the past. These two approaches should be complemented by the third one, according to which the truth of the lost determines not only the content of memory, but also its necessary boundary, as evidenced by the experience of oblivion. It is the recollection of the forgotten, manifesting itself in various forms, that is a way of recognizing the boundaries of memory and the condition for the applicability of the category of the truth to it.

Key words and phrases: memory; truth of memory; forgetting; novelty; affectivity; realization of “I was”.

УДК 94(47).084.5

Исторические науки и археология

В статье на материалах Северо-Кавказского края показано, как происходил процесс установления и укрепления контроля за местными средствами пропаганды и агитации – «живыми» и стенными газетами, а также организация селькоровского движения в условиях 1920-х гг. Рассматриваются особенности взаимоотношений селькоров и власти, использование селькоровской деятельности как карьерного или социального лифта. Автор акцентирует особое внимание на роли комсомола в организации «малой печати».

Ключевые слова и фразы: стенгазета; «живая» газета; селькор; псевдоним; политический контроль; клевета; молодежь; комсомол.

Шитова Анастасия Александровна

Северо-Кавказский гуманитарный техникум, г. Ессентуки

Северо-Кавказский финансово-энергетический техникум, г. Ессентуки

anastasiya353@mail.ru

РАБСЕЛЬКОРОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ, СТЕННЫЕ И «ЖИВЫЕ» ГАЗЕТЫ 1920-Х ГОДОВ: ОРГАНИЗАЦИЯ И МОТИВАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-31-01002 «Комсомол как социокультурный феномен XX века».

В 1920-х годах одной из основных задач новой власти стало построение новой социальной организации жизни. Большую роль в этом, по мысли лидеров нового государства, играли агитация и пропаганда и, соответственно, главное оружие пропаганды в то время – газета [14, с. 11].

Активное воздействие печати на массы требовало новых форм, причем при их выработке следовало учитывать несколько факторов: нехватку финансовых и производственных ресурсов для выпуска газет, бедность и малограмотность населения, низкий культурный уровень. Именно влиянием этих причин объясняется широкое распространение стенных газет и «живых газет».

Стенные газеты представляли первоначально малотиражные газеты, сочетавшие в себе черты плаката с его наглядностью и обычной газеты, предназначенной для чтения. Обычно такие газеты выпускались типографским способом на простом оборудовании и являлись первыми местными газетами новой власти [23, с. 83; 24, с. 136]. С конца 1920-х годов эти издания начинают распространяться как обычная периодическая пресса. Отметим, что размещение газет на стендах практиковалось с первых лет Советской власти.

Однако в сельской местности (а со второй половины 1920-х и повсеместно) стенные газеты постепенно превращаются в рукописные газеты, выпускаемые в одном-двух экземплярах, то есть обретают тот вид, который существует до сих пор.

«Живые газеты» представляли собой своего рода небольшие тематические театрализованные представления, во время которых произносился определенный текст, сопровождавшийся символическими фигурами или сценками, иллюстрировавшими содержание этого текста. Изменение номеров в программе и разнообразные вариации в их подаче делали эту форму агитации доступной и привлекательной и для зрителя, и для участников.

Плакатность стенных газет и наглядность «живых газет» должны были влиять и влияли на читателя и слушателя эмоционально, что усиливало воздействие агитационных материалов.

Эти формы агитации и пропаганды использовались на местном уровне, и поначалу, как иногда описывалось в публикациях того времени, допускали некоторую степень свободы в тематике материалов и их подаче: «Газеты эти являются продуктом творчества передовых пролетариев» [33, с. 50]. Отсутствие жестких нормативных требований может восприниматься в качестве отсутствия контроля. Но архивные материалы свидетельствуют о том, что контроль существовал практически с самого начала. Так, выпуск газет осуществлялся главным образом партийными или комсомольскими организациями, и к тому же сами эти низовые организации контролировались вышестоящими [10, с. 50; 12, с. 643].

С середины 1920-х годов контроль стенных газет становится фактически обязательным, количество газет обязательно учитывается. Регламентируются рубрики и подача материалов.

То же происходит и с «живыми газетами». В момент своего возникновения «живые газеты» на местах ориентируются на образцы по рубрикам, материалам и даже по названию – «Синяя блуза». Отдельные отступления встречаются довольно редко. Обращает на себя внимание следующая установка, которая давалась в журнале, выпускавшемся как руководство для «живых газет»: «Краткость, компактность, сатирическая острота, идеологическая четкость. Никакой сложной композиции, запутанной интриги. Мотивировки поступков просты и четки» [28, с. 4]. Наряду с формальными требованиями озвучивалось и требование к содержанию – идеологическая четкость.

Эти новые формы предполагали активное участие комсомольцев. И действительно, наблюдался рост числа стенных и «живых» газет как в целом по стране, так и на территории Северо-Кавказского края. Так, стенных газет в крае выходило более 2000 [16, с. 101]. «Живые газеты» также существовали почти в каждом крупном населенном пункте, причем организованные как комсомольцами, так и пионерами.

Одной из местных особенностей стало то, что контроль за деятельностью этих новых форм массовой агитации и пропаганды был установлен практически сразу. Например, разрешение на издание стенной газеты в одной из станиц давало районное бюро. Им было издано такое распоряжение: «Издание газеты разрешить при яч.[ейке] РКСМ, но предложить таковой представлять в Волком РКП(б) для соответствующего просмотра до вывешивания там у них», то есть разрешение на газету давалось волостным комитетом партии [29, с. 561]. В партийной прессе публиковались материалы, указывающие основные темы для стенных газет и особенности подачи информации [10, с. 50; 13]. Усилению контроля способствовали смотры и конкурсы, проводимые окружными партийными и комсомольскими организациями [6, д. 28, л. 48 об.].

Отметим, что к началу 1930-х годов контроль стал жестким, что привело к постепенному угасанию движения «синезелушников» на местах и изменению методов и способов работы. В некоторых районах края вместо «живых газет» комсомольским организациям прямо предписывалось чтение периодики вслух [37, д. 17, л. 48]. Иногда такое сворачивание «живых газет» увязывается с концертно-эстрадным уклоном, который не соответствовал духу преобразований, начавшихся в 1930-х годах, но основной причиной критики и прекращения этого вида агитационной деятельности стали обвинения в «сомнительности идейно-художественных качеств» [21, с. 270].

Эти стенные и «живые» газеты, особенно на начальных этапах развития, способствовали привлечению молодежи к работе в комсомольских организациях и, соответственно, к численному росту комсомола. А усиление контроля позволяло не только вести идеологическую работу, но и воздействовать на самих комсомольцев. То есть «живая газета» и стенная печать, будучи по форме привлекательными для активной, инициативной части молодежи, через контроль превращались в средство для обработки молодежи в нужном направлении.

Как особый способ воздействия на массы, в том числе и сельские, может рассматриваться и рабселькоровское движение, также используемое Советской властью не только как система обратной связи, позволяющая получить представление о настроениях населения, и система политического контроля, но и как эффективный механизм идеологической обработки и даже механизм подготовки актива [31; 32].

Селькоровское движение приобрело массовый размах и в Северо-Кавказском крае. Так, только в газету «Власть Советов» ежедневно приходило до двухсот корреспонденций [19]. В целом же в крае сотрудничало с газетами более 11 с половиной тысяч рабочих и сельских корреспондентов [11, с. 22].

Отметим, что рабочие и сельские корреспонденты в обязательном порядке привлекались к работе в малотиражных и стенных газетах [34, с. 113; 36, д. 42, л. 15]. По этому поводу в крае неоднократно издавались партийные и комсомольские постановления.

Первоначально, по крайней мере, декларативно селькоровское движение строилось на принципах активной самостоятельности. «Совещание считает совершенно недопустимым цензуру или какой-либо предварительный просмотр, а также в какой бы то ни было стеснительной форме руководство стенгазетами со стороны стоящих над заводами партийных или профессиональных организаций» [1, с. 54], – заявлялось на Первом всесоюзном совещании рабочих корреспондентов в 1923 г. «Рабкор ни перед кем не обязан отчитываться. Это дело только его доброй воли. Никакая организация, ни профсоюз, ни комячейка, никто другой не имеют права требовать никаких отчетов» [22, с. 26-27]. Такой подход привлекал достаточное большое число участников из самых разных слоев населения.

Однако уже в 1924 году начинаются первые ограничения в публикациях селькоров и в прессе, и в стенных газетах, а в газете Краснодарско-Черноморского округа «Красное знамя» за декабрь 1924 г. дается рекомендация, о чем писать селькорам: «Селькор же описывает жизнь станицы, как она есть – культурные достижения, перевыборы сельсоветов и общественной работы широких слоев крестьянства. Новый быт (молодежь и комсомол, отход от религии и т.д.)» [13].

Во второй половине 1920-х гг. рабселькоровская деятельность все больше регламентируется. Выходят предписания об организации кружков и проведении организационных семинаров [13; 36, д. 46, л. 7]. Начинает меняться отношение к анонимности корреспондентов: если раньше она практиковалась как средство защиты от противников власти или даже критикуемых представителей власти, то теперь в центральной и местной печати обсуждается вопрос об отмене псевдонимов [25, с. 11; 31, с. 545-546; 32, с. 2532-2533].

Кроме того, тогда же, во второй половине 1920-х годов, разворачивается кампания по реализации сигналов и их проверке, что превращает деятельность рабселькоров в контролируемую. При этом рассматривается и регламентируется их ответственность за клевету вплоть до уголовной и за клевету на них [9, с. 591; 32, с. 2531-2533].

Понятно, что деятельность рабселькоров в той общественной обстановке, особенно в сельской местности, была связана с опасностью и требованием личного мужества. На корреспондентов нападали, с ними расправлялись. Жертвы были далеко не единичны. Периодически даже раздавались голоса населения о том, чтобы не привлекать молодых людей к такой деятельности [20, с. 418]. Но даже случаи нападения становились поводом для агитации за новую жизнь. Так, дело о покушении на селькора Невинномысского района Акулину Брилеву стало поводом для серии материалов с антикулацкой и идеологически выраженной направленностью [27, с. 4]. В ходе освещения этого дела появилась не только серия статей в местной прессе, но статьи в краевой газете, в центральном журнале и даже отдельная брошюра. Сама Брилева была приглашена в Москву. Покушавшийся и организатор покушения были приговорены к расстрелу. Материалы дела позволили провести целую кампанию, направленную на повышение бдительности в борьбе против классово чуждых элементов [38].

Рабселькоры преследовались не только «классовыми врагами», но и вышестоящими органами новой власти за свои сообщения, чаще всего по 161 ст. УК за клевету. И, судя по постановлению Народного Комиссара Юстиции и Прокурора Республики Д. И. Курского от 3 мая 1927 г. [9, с. 591], преследования носили регулярный характер. Именно поэтому в указанном постановлении приводятся разъяснения судам и прокуратуре о привлечении рабселькоров к ответственности. Отметим, что в том же «Еженедельнике советской юстиции» дается разъяснение для профсоюзных организаций о защите корреспондентов от увольнения или иных дисциплинарных взысканий [Там же, с. 583].

Акты власти, защищающие рабселькоров, расширение возможностей для контактов с начальствующими создавали определенные преимущества. Иногда такие преимущества были значительными. Так, некоторые корреспонденты получали льготы по учебе или даже могли быть направлены в высшие учебные заведения.

Мотивация, связанная с использованием положения рабселькора для повышения своего статуса или изменения его на более благоприятный, устанавливается еще и статистически. Речь идет о том, что значительную часть корреспондентов, особенно сельских (более 40%), составляла молодежь, в том числе пионеры, комсомольцы и молодые члены партии [2, с. 114-115], некоторые в возрасте до 15 лет. Представители этой группы поставляли материалы в основном об успехах на местах, свою позицию аргументировали активистскими заявлениями: «хочу быть строителем новой истории», «разрушить старый мир и построить новый» [Там же, с. 115]. Очевидно, что здесь речь шла не только о позиции, объясняющейся молодежной психологией, но и честолюбивыми устремлениями.

Отметим, что в случае с Брилевой интересно еще и то, что безусловное несчастье, а у нее была убита дочь, дало селькору возможность изменить свой статус.

Селькоры до известной степени использовали свое положение гонимых, в том числе из карьеристских или иных меркантильных соображений [7, д. 844, л. 81; 26, с. 7; 32, с. 2536-2537].

Возможно, такое использование статуса рабселькоров и привело к тому, что к концу 1920-х их деятельность стала ограничиваться двумя способами: в периодической печати стали публиковаться материалы, присланные ограниченным кругом корреспондентов, а массовое рабселькоровское движение было сориентировано на работу в стенных газетах [36, д. 199, л. 4]. Именно на уровне стенгазет происходил отбор корреспондентов для периодической печати.

Описанные факты и процессы позволяют сделать вывод о том, что новые формы агитации и пропаганды были достаточно быстро поставлены под контроль, причем одним из способов такого контроля стало организационное совершенствование «свободной инициативы». Большую роль в этом сыграл комсомол, выступивший инициатором привлекательных для молодежи форм общественной деятельности.

Следует также отметить, что участие молодежи, особенно сельской, объясняется отчасти стремлением изменить свое общественное положение и воспользоваться преимуществами, которые порождено или могло породить участие в пропагандистской деятельности.

Список источников

1. **Абросимов М.** Деревенские стенные газеты. М. – Л.: Молодая гвардия, 1925. 77 с.
2. **Асаока Дз.** Крестьянская печать и общественность в нэповской советской деревне: сельский корреспондент как деревенский актив // XX век и сельская Россия: сб. науч. работ / отв. ред. Х. Окуда. Токио, 2012. Вып. 2. С. 110-126.
3. **Багдасарян С. Д.** Сельская повседневность на юге России в эпоху НЭПа: устойчивость традиций и противоречия преобразований: дисс... д.и.н. Новочеркасск, 2017. 869 с.
4. **Батрак.** Задушенный хутор // Крестьянская газета. 1928. 30 ноября.
5. **Ведута А. В.** Молодежная печать, 1917-1925 гг. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дисс. ... к.и.н. Краснодар, 1994. 186 с.
6. **Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК).** Ф. 5938. Оп. 1.
7. **Государственный архив Ростовской области (ГАРО).** Ф. 1185. Оп. 4.
8. **Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).** Ф. Р-1239. Оп. 1.
9. **Еженедельник советской юстиции.** 1927. № 19. С. 561-592.
10. **Коммунист.** 1925. Февраль-март.
11. **Корнилов Е. А.** А. Фадеев – журналист и воспитатель молодых литераторов и рабселькоров // Публицисты Дона и Северного Кавказа: сб. науч. работ / отв. ред. Е. А. Корнилов. Ростов н/Д, 1978. С. 10-34.
12. **КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК:** в 3-х ч. М., 1954. Ч. 1. 832 с.
13. **Красное знамя.** 1924. 13 декабря.
14. **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Издательство политической литературы, 1959. Т. 5. 550 с.
15. **Маркасова Е.** «Селькор под обстрелом»: стереотипы враждебного окружения и жертвенности в «коммуникационном завоевании» деревни (1920-1930-е гг.) [Электронный ресурс] // Культура и власть в условиях коммуникационной революции. М., 2002. URL: <http://www.iek.edu.ru/groups/airo/markas.pdf> (дата обращения: 28.08.2017).
16. **Материалы к отчету Донского окружного комитета ВКП (большевиков) на XII окружной партконференции (ноябрь 1925 – январь 1927 г.).** Ростов н/Д.: Донком ВКП(б). Донполиграфбум, 4-я гос. тип. ДПБ «Красный прогресс» в Нахичевани на Дону, 1927. 128 с.
17. **О перестройке рабселькорского движения:** постановление ЦК ВКП(б), 1931 г. // КПСС в резолюциях. М., 1984. Т. 5. С. 285-286.
18. **О чем говорят выстрелы по селькорке Брилевой?: преступное отношение к заметкам хуторских селькоров:** сообщения // Трудовой путь. 1928. 24 августа.
19. **Отговсюду** // Молот. 1926. 27 марта.
20. **Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям.** М.: РОССПЭН, 1998. 664 с.
21. **Пути развития театра:** стенографический отчет и решения партийного совещания по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б) в мае 1927 г. М. – Л., 1927. 524 с.
22. **Рафаил М. А.** Организационные вопросы рабкорского движения. М. – Л., 1925. 64 с.
23. **Сафонов Д. А.** Рабселькоры как явление советской действительности 1920-1930-х годов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (14). С. 80-91.
24. **Сафонов Д. А.** Стенгазеты как элемент советской действительности 1920-1930-х годов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (13). С. 136-155.
25. **Селькор.** 1926. № 6. 28 с.
26. **Селькор.** 1926. № 15. 28 с.
27. **Селькорка-общественница: сообщение о покушении на Акулину Поликарповну Брилеву / фото Б. Игнатовича** // Огонек. 1928. № 40.
28. **«Синяя блуза».** 1925. № 10. 64 с.
29. **Скорик А. П.** Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск: Лик, 2015. 1184 с.
30. **Скребнев В. А.** Стенная печать Тамбовской губернии 1920-х гг.: методы формирования // Альманах современной науки и образования. 2014. № 12 (90). С. 109-111.
31. **Слезин А. А.** Рабселькорское движение: неизвестная грань // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2002. Т. 8. № 3. С. 544-548.
32. **Слезин А. А.** Рабселькоры и советское государство 1920-х годов: особенности взаимозащиты // Право и политика. 2008. № 10. С. 2529-2537.
33. **Советская печать в документах.** М.: Госполитиздат, 1961. 560 с.
34. **Советские писатели и журналисты о газетном труде /** под ред. А. З. Огорокова. М.: Политиздат, 1975. 208 с.
35. **Старкова Г. И.** Стенные газеты как форма проявления и средство развития социальной активности молодежи Удмуртии в 20-е годы XX века // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 5. Ч. 2. С. 191-201.
36. **Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК).** Ф. 2816. Оп. 1.
37. **Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО).** Ф. 5. Оп. 1.
38. **Эхо четырех выстрелов: о покушении на селькорку-общественницу А. П. Брилеву** // Трудовой путь. 1928. 31 октября.

WORKER AND PEASANT CORRESPONDENTS' MOVEMENT, WALL AND "SCENIC" NEWSPAPERS OF THE 1920S: ORGANIZATION AND MOTIVATION OF ACTIVITY

Shitova Anastasiya Aleksandrovna

*North Caucasian Technical School of Humanities, Yessentuki
North-Caucasian Financial and Power Engineering School, Yessentuki
anastasiya353@mail.ru*

In the article the author shows by the materials of the North Caucasian region how the process of establishing and strengthening the control over local means of propaganda and agitation – “scenic” and wall newspapers, as well as the organization of peasant correspondents’ movement in the conditions of the 1920s, took place. The peculiarities of interrelations between the peasant correspondents and the authorities, and the use of peasant correspondent activity as a career or social elevator are considered. The main attention is drawn to the role of Komsomol in organizing “the small press”.

Key words and phrases: wall newspaper; “scenic” newspaper; peasant correspondent; pseudonym; political control; slander; the youth; Komsomol.

УДК 7.036.8

Искусствоведение

В статье предлагается авторский подход к выделению нового стиля в изобразительном искусстве – метаисторического экспрессионизма. Рассматриваются его основные черты и проявления в творчестве художников Л. Н. Пастушковой, Н. И. Рыбакова, С. В. Дыкова, Ц. Цэгмэда, Т. Толгау, Ц. Энх-Амгалан, Д. Болд и др. По мнению автора, стиль «метаисторический экспрессионизм» характеризуется специфическим обращением к этническим и историческим темам, через которые художник стремится раскрыть особого рода духовно-историческую реальность, отражая ее преимущественно художественными средствами, сложившимися в стиле экспрессионизма.

Ключевые слова и фразы: метаисторический экспрессионизм; неоархаика; живопись современных сибирских и монгольских художников; монгол зураг; Л. Н. Пастушкова; Н. И. Рыбаков; Ц. Цэгмэд; С. В. Дыков.

Шишин Михаил Юрьевич, д. филос. н., профессор

*Алтайский государственный технический университет имени И. И. Ползунова, г. Барнаул
shishinm@gmail.com*

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СТИЛЯ «МЕТАИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСПРЕССИОНИЗМ» И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В ИСКУССТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ СИБИРИ И МОНГОЛИИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект
«Изобразительное искусство Сибири и Монголии XX – начала XXI века:
кросс-культурное взаимодействие и влияние художественных традиций» № 15-24-03002.*

Сравнивая искусство Сибири и Монголии XX – начала XXI в. двух сопредельных территорий, можно выявить много интересных моментов, способных стать темами весьма обширных и эвристичных исследований. Например, четко просматривается тенденция перехода в конце XX века в художественном творчестве обоих регионов к полистилизму. На смену фактически одному стилю, получившему название в нашей стране «социалистический реализм», в 90-х годах прошлого века стала складываться художественная среда, в которой были представлены все стили от ультрасовременных до традиционных, ставших уже классическими стилями. В этой многообразной среде достаточно легко обнаруживаются отдельные хорошо оформленные линии искусства. Так, без особого труда прослеживается реалистическая линия искусства, в весьма сходных формах проявляющая себя в Сибири и Монголии. Это во многом объясняется тем, что, начиная с 20-х годов прошлого века, благодаря стараниям российских художников К. И. Померанцева (1884-1945) и Ц. С. Сампилова (1893-1953), к монгольскому древу искусства была привита линия искусства, сформировавшаяся в недрах российской художественной школы. Затем она еще более укрепилась за счет того, что в российских институтах, и в первую очередь в Санкт-Петербургском (Ленинградском) институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина и в Московском государственном академическом художественном институте им. В. И. Сурикова, получили основательную подготовку монгольские мастера различных направлений. Многие из них ныне входят в число лидеров художественного творчества в своей стране.